

Кирилка. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Кирилка. Максим Горький

...Когда возок выкатился из леса на опушку, Исай привстал на козлах, вытянул шею, посмотрел вдаль и сказал:

- Ах ты чёрт, - кажись, тронулась!
- Ну?
- А право... как будто идет...
- Гони скорее!
- Э-эх ты, мар-рмаладина!

Коротенькое и толстое животное, с ослиными ушами и шерстью пуделя, от удара кнутовищем по его крупу отскочило в сторону с дороги, остановилось и, перебирая на месте ногами, обиженно качало головой.

- Н-но, я тебе пококетничаю! - крикнул Исай, дергая вожжами.

Псаломщик Исай Мякинников - уродливый человек, сорока лет от роду. На левой щеке и под челюстью у него росла рыжая борода, а на правой вздулась огромная кила, - она, закрыв ему глаз, опускалась морщинистым мешком на плечо. Отчаянный пьяница, недурной философ и насмешник, он вез меня к своему родному брату и моему товарищу, сельскому учителю, умиравшему от чахотки. За пять часов времени мы не проехали и двадцати верст, потому что дорога была скверная, а то фантастическое животное, которое везло нас, имело дурной характер. Исай называл его шишигой, жёрновом, ступой и другими странными именами, причем каждое из них одинаково шло к этому коню, метко подчеркивая ту или иную из особенностей его внешности и характера. И среди людей часто встречаются такие же сложные существа, которых как ни назови, всё будет впору, лишь имя человека к ним нейдет.

Над нами нависло серое небо, сплошь покрытое тучами, вокруг распростерлись луга в темных пятнах проталин. Впереди, верстах в трех, возвышались синеватые холмы горного берега Волги, тяжелое небо опиралось на них. Река была невидима за косматой гривой прибрежных кустов. С юга дул ветер, вода в лужах морщилась и гримасничала, в воздухе метался скучный, сырой звук, - хлюпала грязь под ногами лошади...

- Задержит нас река, - говорил Исай, подпрыгивая на козлах. - А Яков не дожидется и помрет... тогда из всего нашего странствия выйдет одно бесполезное ут-руждение плоти... Но ежели мы и застанем его в живых - какая польза? Одна помеха и больше ничего... в час смертный не следует торчать пред глазами отходящего, нужно оставить человека одного, дабы не отводить его взгляда вовнутрь себя на предмет посторонний... В час смертный человек должен смотреть в глубину своего сердца, а не на пустяки, ибо живой для умирающего есть пустяк и лишний предмет... Положим, оно так уж полагается законом жизни, чтобы у одра предстояли близкие покидающего юдоль сию... но ежели рассуждать с употреблением разума, а не мозгом пяток наших, то опять-таки окажется, что в этом обычае нет пользы ни живым, ни мертвым, а одно излишество в терзании сердца. Живой не должен и вспоминать о том, что есть смерть и ждет его она... Живому это вредно, потому что отемняет радости... Ты, чёртов пест! Играй ногами веселей!.. Н-но!..

Исай говорил однотонно, густым, сиплым голосом, и его нелепая, длинная фигура, закутанная в широкий, дырявый рыжий армяк, неуклюже болталась на козлах, подпрыгивая, перегибаясь с боку на бок, кланяясь и откидываясь назад. Широкополая черная шляпа, подарок бабушки, была привязана тесемками под бородой, и ветер бросал в лицо Исая концы тесемок Псаломщик тряс острой головой, шляпа съезжала ему на глаза, полы армяка раздувались от ветра. Исай вертелся, ежился, ругался, а я, глядя на него, думал о том, как много человек тратит энергии на борьбу с мелочами. Если б нас не одолевали гнусные черви мелких будничных зол, - мы легко раздавили бы страшных змей наших несчастий.

- Идет! - уныло воскликнул Исай.

- Видишь?
- Вижу в кустах лошадей, и люди около них... Значит - нет езды!
- Может быть, как-нибудь переправимся.
- Толкуй! Известно, переправимся... когда лед пройдет. А до той поры что будем делать? То-то... И потом - есть я хочу! Так я хочу есть, что даже сказать этого невозможно простым языком. Говорил я тебе - давай закусим... Нет, вези... На, привез!..
- Есть и мне хочется... Ты ничего не взял с собой?
- Ежели я позабыл! - сердито ответил Исай.

Выглядывая из-за его спины, я видел коляску, запряженную тройкой лошадей, и плетеный шарабан парой. Лошади смотрели навстречу нам, а около них стояли какие-то фигуры: одна высокая, с рыжими усами, в фуражке с красным околышем, другая - в черном длинном полумесяце на меху.

- Земский начальник Суцов, а это мельник Мамаев, - пробормотал Исай вполборота ко мне и почтительным тоном приказал своему коню: - Тпру, радетьель... Опоздали мы, стало быть? - сдвинув с головы шляпу, обратился он к толстому кучеру, стоявшему у тройки.

Кучер хмуро взглянул на его голый яйцеобразный череп и молча отвернулся в сторону.

- Не потрафили, - улыбаясь, ответил купец Мамаев, низенький и полный человек с красным лицом и мошенически ласковыми глазами.

Земский начальник, облокотясь на крыло коляски, курил и крутил ус, исподлобья поглядывая на нас Тут было еще двое людей: кучер Мамаева, рослый малый с кудрявыми волосами и с огромным ртом, и мужичонка на кривых ногах, в рваном полушубке, туго подпоясанный, перегнувшийся вперед и как бы застывший в поклоне нам. Маленькое, сморщенное лицо его поросло редкой серой бородкой, глаза спрятаны в мешках морщин, тонкие губы сложены в улыбку, и в ней одновременно соединялись почтительность с насмешкой и глупость с плутовством Он сидел на корточках, был похож на обезьяну и, медленно поворачивая голову то туда, то сюда, следил за всеми, не показывая никому своих глаз. Из бесчисленных дыр его полушубка высывались клочья грязной овчины, и вся фигура мужика производила странное впечатление: он казался изжеванным, как будто только сейчас вырвался из какой-то огромной пасти, пытавшейся сожрать его... Высокий бугор песку, за которым мы стояли, скрывал нас от ветра и реку от нас.

- Пойти взглянуть, как там дела-то? - сказал Исай и полез на бугор. За ним угрюмо двинулся земский начальник, потом я и купец. Мужичонка встал на четвереньки и тоже стал карабкаться на бугор. Когда мы взлезли на его вершину, то все сели там, мрачные, как вороны. Пред нами аршинах в четырех расстояния и сажени на три ниже нас - широкой синевато-серой полосой лежала река, вся в морщинах, в язвах, в кочках мелко истертого льда. Лед покрывал ее, как болезненной коростой, и двигался медленно, но - несокрушимая сила была в его движении Скрипучий шорох стоял в воздухе, холодном и сыром.

- Кирилка! - позвал земский начальник.

Мужичонка вскочил на ноги и, стащив с головы шапку, согнулся пред земским так, точно подставлял ему свою голову на отсечение

- Что же - скоро?

- Не задержит, ваше благородье, сичас встанет... Изволите видеть, как прет? В таком густом ходу не может он не встать... Там, на версту выше коса как на нее навалит - так и готово дело. Вся штука в большой чке... ежели чка увязнет в воротах около косы - тут ему и препона! Тиснет ее в узину - она весь ход и задержит...

- Ну, ладно...

Мужик шлепнул губами и умолк.

- Нет, это чёрт знает что! - возмущенно заговорил земский.- Я же ведь говорил тебе, идиоту,- переправь две лодки на эту сторону, а? говорил?

- Говорили, это верно! - виновато ответил мужик

- Н-ну, а ты?

- Не успел, потому - тронулась она сразу...

- Болван! Нет,- обратился земский к Мамаеву,- эти ослы совершенно не могут понимать человеческого языка!

- Сказано - муж-жики-с,- любезно улыбаясь, прошипел Мамаев,- раса дикая... племя тупое. Но вот теперь будем ожидать от усердия земства и распространения им школ - просвещения и образованности...

- Школы - да! Читальни, фонари - прекрасно! Я понимаю это... но, однако, хотя я и не противник просвещения, как вы знаете, а все-таки ха-аро-ошая порка воспитывает быстрее и стоит дешевле... да-с! За розгу мужик не платит, а на просвещение с него шкуру дерут хуже, чем розгой драли. Пока просвещение только разоряет его, вот что... Я однако не говорю - не просвещайте, а говорю - пожалейте, подождите

- Совершенно так! - с удовольствием воскликнул купец.- Очень бы следовало подождать, потому что тяжело мужику по нынешним дням... недороды, болезни, слабость к вину - всё это, так сказать, под корень его сечет, а тут школы, читальни... Что с него взять при таком порядке? Совсем нечего с него взять,- уж поверьте мне!

- Вам это известно, Никита Павлыч,- убежденно, но вежливо сказал Исай и благочестиво вздохнул.

- Еще бы! Семнадцать лет хожу вокруг него. Я на счет учения так полагаю: ежели во благовремени, то оно может принести пользу всякому человеку... Но, ежели у меня в брюхе, извините, пусто,- ничему я учиться не пожелаю, кроме как воровству...

- Зачем вам учиться! - почтительно и ласково воскликнул Исай.

Мамаев взглянул на него и искривил губы.

- Вот мужик,- Кирилка! - позвал земский.- Вот мужик,- обратился он к нам с некоторой торжественностью на лице и в тоне,- это, рекомендую, недюжинный мужик, бестия, каких мало! Когда горел "Григорий", он, оборванец этот... собственноручно спас шестерых пассажиров, поздней осенью часа четыре кряду, рискуя жизнью, купался в воде, в бурю, ночью... Спас людей и скрылся... его ищут, хотят благодарить, хлопотать о медали... а он в это время ворует казенный лес и схвачен на месте преступления! Хороший хозяин, скуп, сноху вогнал во гроб, жена, старуха, бьет его поленом. Он пьяница и очень богомолен, поет на клиросе... Имеет хороший пчельник и при всем этом - вор! Паузилась тут баржа, он попался в краже трех мест изюму,- извольте видеть, какая фигура?

Все мы внимательно посмотрели на талантливую мужика. Он стоял пред нами, спрятав глаза, и шмыгал носом. Около его губ играли две морщинки, но губы были плотно сжаты, и лицо решительно ничего не выражало.

- И вот мы спросим его: Кирилка! Скажи - какая польза в грамоте, в школах?

Кирилка вздохнул, почмокал губами и не сказал ничего.

- Ну, вот ты грамотный,- строго заговорил земский,- ты должен знать лучше тебе жить оттого, что ты грамотный?

- Всяко бывает,- сказал Кирилка, наклоня голову еще ниже.

- Да нет, все-таки - ты читаешь, ну, что же, какая польза от этого для тебя?

- Пользы, оно, конечно, нет, чтобы, значит, прямо взять ее... но ежели рассудить, то... учат, стало быть, в пользу это им...

- Кому - им?

- Учителям, стало быть... земству, значит, и вообще... начальству!..

- Дурак же ты! Тебе-то, тебе - есть польза?

- Это - как угодно, ваше благородие...

- Кому угодно?..

- Вам... значит, как вы начальник...

- Пошел прочь!

У земского концы усов вздрагивали и лицо покраснело.

- Вот видите, он ничего не сказал, но его ответ ясен. Нет, господа, прежде, чем учить мужика азбуке, нужно - дисциплинировать его!.. Он испорченный ребенок, да! но он и - почва! Вы понимаете?.. Основание пирамиды государственного строя... и вдруг - колеблется! Вы понимаете серьезность такого... э... в... беспорядка?

- Дело ясное,- сказал Мамаев.- И, действительно, следует укрепить...

Так как и я интересуюсь судьбой мужика, я тоже вступил в разговор, и скоро мы в четыре голоса горячо и озабоченно решали судьбу его. Истинное призвание каждого из нас - устанавливать правила поведения для наших ближних, и несправедливы те проповедники, которые упрекают нас в эгоизме, ибо в бескорыстном стремлении видеть людей лучшими мы всегда забываем о себе.

Мы спорили, а река, как огромная змея, ползла пред нами и терлась о берег своей холодной серой чешуей.

И наш разговор извивался змеей, раздраженной змеей, которая бросается из стороны в сторону в своем стремлении схватить то, что ей необходимо и что ускользает от нее. От нас ускользал предмет разговора - мужик. Кто он? Он сидел на песке недалеко от нас; он молчал, и лицо его было бесстрастно.

Мамаев говорил:

- Не-ет-с, он не глуп! Он даже о-очень не дурак... его довольно трудно объехать на кривой... Земский начальник раздражался:

- Я не говорю - глуп! я говорю - распущен! Поймите! Живет без должной опеки над ним, как несовершеннолетним,- вот в чем корень неурядиц его жизни...

- А я, с позволения сказать, полагаю так, что он - ничего! Божия тварь, как и все... Но - извините! обалдел он... от неустройства бытия своего лишился надежд...

Это говорил Исай, говорил голосом елейным и почтительным, сладко улыбаясь и вздыхая, его глазки робко шурились и не хотели смотреть прямо, а кила сотрясалась, точно в ней было много смеха, он желал вырваться на воздух и не смел. Я же утверждал, что мужик - просто голоден и что если бы дать ему вволю хорошей пищи, то он, наверное, исправится...

- Вы говорите - голоден? - раздраженно воскликнул земский.- Но, чёрт возьми, почему? Нужно понять, по-че-му он голоден? Почему, скажите ради бога, сорок. пятьдесят лет тому назад он не знал, что такое голод?

Я говорю... я... я вот сам голоден! Да, чёрт, в данную минуту, я сам, по его милости, голоден! А! Как это вам нравится? Я приказывал переправить сюда лодки и ждать меня... Приезжаю... Сидит Кирилка. Тьфу! Нет, это, я вам скажу, просто

идиоты...

- Действительно,- очень бы приятно покушать! - меланхолично сказал Мамаев.

- Н-да,- вздохнул Исай...

И все мы, раздраженные спором, уже не раз сердито фыркавшие друг на друга, замолчали, объединенные желанием есть, и посмотрели на Кирилку, который под нашими взглядами передернул плечом и стал медленно стаскивать шапку с своей головы...

- Как же это ты, брат, насчет лодки-то?..- укоризненно сказал Исай.

- Да ведь что же лодка?.. Хоша бы она и была - ее не съешь...виновато ответил Кирилка. Мы все четверо отвернулись от него.

- Шесть часов сию здесь,- объявил Мамаев, взглянув на золотые часы, вынутые им из кармана,- из своего кармана, должен я прибавить.

- Вот извольте видеть! - раздраженно воскликнул земский и повел усами.- А эта бестия... говорит - скоро образуется затор... Ты! скоро, что ли?

Очевидно, земский полагал, что Кирилка имеет некую власть над рекой и движением льда по ней, и было ясно, что Кирилка действительно виновен в этом, потому что вопрос земского привел в движение все члены мужичонки. Кирилка двинулся на самый край бугра, прикрыл глаза ладонью и стал, наморщив лоб, смотреть вдаль, зачем-то дрыгая левой ногой и шевеля губами, как будто он шептал заклинания реке.

Лед шел сплошной массой, синеватые льдины с глухим шорохом лезли одна на другую, ломались, трещали, рассыпались на мелкие куски: порою между ними появлялась мутная вода и исчезала, затираемая льдом. Казалось, огромное тело, пораженное кожной болезнью, всё в струпьях и ранах, лежит пред нами, а чья-то могучая невидимая рука очищает его от грязной чешуи, и казалось - пройдет еще несколько минут - река освободится от тяжелых оков и явится перед нами широкая, могучая, прекрасная, сверкнут из-под снега и льда ее волны, и солнце, прорвав тучи, радостно и ярко взглянет на нее.

- Теперь уж - сейчас, вашбродие! - оживленно воскликнул Кирилка.Редееет,- эна там! вона у косы!

Он простирал руку с шапкой вдаль, где я ничего не видел, кроме льда...

- До Ольховой далеко?

- Ежели прямо идти, верст пять, вашбродие...

- Ч-чёрт... гм! Может быть, у тебя есть что-нибудь? картофель, хлеб?

- Хлеб?.. Это точно, хлеб есть... А картофелю нету... не родилось его ныне, картофелю-то...

- С тобой хлеб?

- Хлеб-то? за пазухой, вон он...

- На кой чёрт ты носишь его за пазухой?

- Да его немного, вашбродие, фунта с два... и опять же - теплее он от этого...

- Э, дурак... Надо было давеча еще кучера послать в Ольховую! Молока бы, что ли, выпить... но этот все твердит - чичас! чичас!.. Этакая мерзость!

Земский начал зло дергать усы, а Мамаев ласково уставился на пазуху мужика, который стоял, понурив голову, и медленно поднимал к ней руку с шапкой. Исай делал Кирилке какие-то знаки пальцами; мужик взглянул на него и стал бесшумно подвигаться м его сторону, обернув лицо к спине земского начальника.

Лед редел, между льдинами являлись трещины, точно морщины на скучном, бескровном

Кирилка. Максим Горький gorkiytext.ru

лице. Играя на нем, они придавали реке то одно, то другое выражение, всегда одинаково мудрое, всегда холодное, но – то печальное, то насмешливое, то искаженное болью. Сырая масса облаков смотрела на игру льда неподвижно, бесстрастно, шорох льдин о песок звучал, как чей-то робкий шёпот, и наводил уныние.

– Дай мне, брат, хлебца! – услышал я подавленный шёпот Исаея.

И в то же время Мамаев густо крикнул, а земский громко и сердито сказал:

– Кирилка! дай сюда хлеб...

Мужичонка сорвал одной рукой шапку с головы, другую руку сунул за пазуху и, положив хлеб на шапку, протянул его к земскому, изогнувшись чуть не в дугу. Взяв хлеб в руку, земский брезгливо оглянул его и с кислой улыбкой под усами сказал нам:

– Господа! Все мы, я вижу, являемся претендентами на обладание этим куском, и все мы имеем на него одинаковое право, – право людей, которые хотят есть... Что же? Разделим пополам... сию скудную трапезу... Чёрт возьми! вот смешное положение, но, поверите ли, торопясь застать дорогу, я так спешил... Извольте...

Отломив себе, он подал кусок хлеба Мамаеву. Купец прищурил глаз, склонив голову набок, и, измерив хлеб, откромсал свою долю. Остатки взял Исай и разделил со мною. Мы снова сели в ряд и стали дружно, молча жевать этот хлеб, хотя он был похож на глину, имел запах потной овчины и квашеной капусты и... неизъяснимый вкус...

Я ел и наблюдал, как по реке плывут грязные лохмотья ее зимних одежд.

– Вот, – говорил земский, с упреком глядя на кусок в своей руке, извольте видеть – это хлеб! В то время, как за границей крестьянин имеет вино, сыр, пшеничный хлеб, – наш мужик ест... эту гадость. Мякина в нем, кислота какая-то... и этим питаются накануне двадцатого столетия!.. А почему?

Так как вопрос был обращен к Мамаеву, купец тяжело вздохнул и скромно ответил:

– Пицца не тово... не располагает...

– А по-че-му-с?

– Истощала почва земли... так сказать...

– Хм! Полноте! Эти разговоры об истощении земли – просто выдумка земских статистиков...

Кирилка вздохнул и поправил шапку на голове.

– Ты! Скажи – земля родит? – обратился к нему земский.

– Да ить... она всяко... когда ей в мочь, то она – сколько угодно!

– Не виляй! Говори прямо – родит?

– То есть... стало быть, ежели...

– Вре-ешь!

– Ежели руки к ней, то она – ничего...

– Ага-а! Вы слышите – руки! Вот потому-то она и не родит, что рук к ней некому приложить... Что мы видим? Пьянство и распущенность... лень. Руководителя нет. Недород – на сцену выступает земство: на, сей, батюшка, на, ешь, батюшка... Не-ет-с, это непорядок! Почему до шестьдесят первого года родила? Потому что – если недород – сейчас его, голубчика... мужика то есть – пожалуйста-ка сюда! Вы как пахали? Вы как сеяли? Потом дадут ему сей! И – родит, о, поверьте! А теперь, живя за пазухой у земства, он спрятал все свои способности... потому что не знает, как употребить их с большей пользой для себя, а указать некому...

- Это - точно, помещик мог заставить всё, что угодно,- уверенно сказал Мамаев.- Он что хотел из мужика делал...

- Музыкантов, живописцев, танцоров, актеров...- с жаром подхватил земский. - Всё, что угодно!

- Истинно-с!.. Я вот тоже помню, когда еще мальчишкой был... так у нас... у графа... в дворне был один... подражатель, так сказать...

- Н-да?

- Всему выучился подражать! Не токмо звукам, которые от человека и скота... но даже деревянным и иным... изображал, как доску пилят или стекло бьется. Надует щеки и - хорошо выходило! А то, бывало, граф скажет: "Федька! лай, как Злобная лает! Федька! лай, как Перехват!.." И лает. Вот до чего достиг! Теперь бы за такое искусство мно-ого денег можно взять!

- Лодки едут! - возгласил Исай.

- А! Наконец!

- Вот и дождались...- с улыбкой сказал мне Мамаев.

- Да...

- Уж это всегда так: ждешь, ждешь и... дождешься! Всему есть свой конец...

- Ведь это утешительно,- не правда ли?

- Еще бы-с!

- Ежели бы не это - многие совсем не могли бы жизнь терпеть,- сказал Исай.

У того берега реки среди льда копошились две длинные темные точки.

- Лезут,- сказал Кирилка, посмотрев на них.

Земский начальник искоса взглянул на него и спросил:

- Ну что, всё пьешь?

Кирилка виновато ответил:

- Ежели когда случится... выпиваю...

- А лес воруеть?

- Зачем мне лес, вашбродие!

- Нет, однако?

- Никогда я, вашбродие, не займовался лесом! - сказал Кирилка и даже головой потряс отрицательно.

- А судил я тебя за что?

- Известно... судили вы, это точно...

- За что?

- Как вы начальники... то вам и положено судить нас.

- Хи-итрая ты бестия! Ну, а с барж, во время паузка, тоже воруеть по-прежнему?

- Я, вашбродие, один раз попробовал.

- Да и то попал, ха-ха-ха!

- Не привышно нам это - потому и попал.

- Надо приучиться? ха-ха-ха!

- Хе-хе-хе! - смеялся Мамаев.

Лодки, отталкиваясь баграми от льдин, напивавших на борта, подвигались к нашему берегу. Мужики в них что-то кричали друг другу. Кирилка тоже приставил ко рту кулак трубкой и неожиданно сильным голосом крикнул им:

- На ветлу потрафля-ай!..

Крикнул и почти кувырком скатился вниз с бугра к реке... Мы тоже последовали за ним.

Скоро мы садились в лодки: в одну я с Исаем, в другую Мамаев с земским.

- С богом, ребята! - сняв фуражку и крестясь, скомандовал земский.

Двое мужиков на его лодке тоже истово перекрестились и стали тыкать баграми во льдины, сжимавшие лодки. А льдины ударялись о борта, и раздавался зловещий, хрустящий звук. На воде было холодно. Лицо Мамаева, я видел, как-то побурело. Земский начальник, хмуря брови, строго и беспокожно смотрел вверх по течению, откуда на наши лодки неслись огромные голубовато-серые куски льда. Маленькие льдины шуршали о киль, и казалось, будто чьи-то острые крупные зубы грызут дерево лодок...

Было сыро, шумно и жутко, и все мы смотрели за борта, на этот грязный, холодный лед, такой могучий и глупый. Но вдруг в шорохе, окружавшем нас, я услышал голос с берега и взглянул туда. Берег был еще саженьх в десяти от нас, на нем стоял без шапки Кирилка; я видел его серые, бойкие и насмешливые глаза и слышал Кирилкин странно сильный голос:

- Дядя Антон! За почтой поедете - хлеба мне привезите, слышь? Господа-то, путя ожидаючи, краюшку у меня съели, а - одна была...

Нижний Новгород, конец 1898 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!